

А.Б.Есин «Сквозные темы в русской литературе XIX – XX веков» - М., 2009

Наряду с Пушкиным и Лермонтовым, Гоголь заложил в русской литературе одну из традиций восприятия родины, которую условно можно назвать мистической. Одним из первых стал он описывать действительность во всей ее неприглядности и обыкновенности, и Русь под его пером на первый взгляд представляла нищей, нелепой,

почти бессмысленной. Но это лишь на первый взгляд. По Гоголю, в Руси изначально таится нечто, чего не дано другим народам и государствам, некоторый непостижимый духовный потенциал, представляющий залог будущего. Не случайно в «Мертвых душах» среди нелепости городской да и усадебной жизни, среди всей российской бестолочи светлыми пятнами вспыхивают авторские отступления о русском слове, русском национальном характере, о Руси вообще. Так, сравнивая русский язык с языками европейскими, Гоголь отдает должное каждому из них, но все же «нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырывалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово». Как бы извиняясь перед читателем за мелочность и ничтожность избранных им героев, Гоголь пишет: «Может быть, в сей же самой повести почувются иные, еще доселе небранные струны, предстанет несметное богатство русского духа, пройдет муж, одаренный божескими доблестями, или чудная русская девица, какой не сыскать нигде в мире, со всей дивной красотой женской души, вся из великодушного стремления и самоотвержения. И мертвыми покажутся пред ними все добродетельные люди других племен, как мертва книга пред живым словом! Подымутся русские движения... и увидят, как глубоко заронилось в славянскую природу то, что скользнуло только по природе других народов...». В Руси есть тайна, высшее предназначение, пока еще не раскрывшееся и не угаданное никем, и огромный потенциал духовности. «Бедно, разбросанно и неприятно в тебе», - пишет Гоголь. Но это лишь внешнее, мертвое, а под мертвой оболочкой – живая душа. «Что пророчит сей необъятный простор? Здесь ли, в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройтись ему? И грозно объемлет меня могучее пространство, страшную силою терзаясь во глубине моей; неестественной властью осветились мои очи: у! какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль! Русь!..» И не случайно первый том «Мертвых душ» заканчивается апофеозом России, образом скачущей «птицы-тройки», перед которой «постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства».

В раннем творчестве Гоголя, прежде всего в повести «Тарас Бульба», есть уже намеки на это возвышенное понимание Руси как явления исключительного, превосходящего все известное на земле до сих пор, и одна из главных идей повести прекрасно сформулирована самим Гоголем: «Да разве найдется на свете такая сила, которая пересилила бы русскую силу?!». Но в «Тарасе Бульбе» Гоголь восхищался прошлым, в «Мертвых душах» его взгляд устремлен в будущее, обращен к той великой миссии, которую суждено совершить Руси в истории человечества. Эту миссию в позднем творчестве Гоголь связывает с православием, с искренним и своеобразным христианством, отличающим Русь от других народов. Можно сказать, что именно от Гоголя идет в русской литературе идея мессианства Руси, ее избранничества – идея, подхваченная затем Тютчевым, Достоевским, отчасти Л.Толстым и многими другими.